

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-4-23-31>

Оригинальная научная статья

Семантические типы номинаций снега в говорах северо-восточной диалектной зоны якутского языка

Я. Е. Тохтобина

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская федерация✉ ya.tokhtobina@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу наименований снега в северо-восточных диалектах якутского языка. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью диалектной терминологии, а также стремительным исчезновением этого уникального лексического пласта под влиянием глобализации и урбанизации. Цель работы заключается в выявлении, систематизации и анализе способов номинации снега, что является важным шагом для их фиксации и введения в научный оборот. Методологической основой исследования послужил метод сплошной выборки из лексикографических источников, позволивший зафиксировать 20 лексем, которые были классифицированы в 8 лексико-тематических групп: наст; сугроб и заносы; мягкий снег; мелкий снег; кристаллы снега; глубокий снег; рыхлый снег; смешанный снег с дождем. В качестве ключевого инструмента анализа применяется понятие формально-семантической структуры слова, понимаемой как его внутренняя форма. Подробный анализ лексических единиц позволил выявить ключевые мотивационные признаки и способы номинации. Установлено, что номинации снега формируются через заимствования (например, *обуой, сөгүрөөл*), аффиксальный способ (*биспэх, түбүк*), лексико-семантический способ (метафоризация: *быта, дыгдыа тоҥот, куобах баһаба, куобах кутуруга* и др.), лексико-синтаксический способ (*көбүөрүннүк хаар сэкириэнник хаар* и др.). Метафоры основываются на зооморфных (*куобах* 'заяц'), фитоморфных (*быта* 'корневище'), соматических (*кутурук* 'хвост', *баһах* 'утолщенная часть') и др. ассоциациях. Так, номинация *хаптаһын тоҥот* (букв. 'наст-доска') не только описывает твердый наст, но и кодирует знание о его опасности для табунного коневодства. Исследование наглядно показывает, что диалектные наименования снега представляют собой не просто набор ярлыков, а сложную систему, вербализующую многовековой опыт наблюдений, хозяйственно-культурные практики и адаптационные стратегии якутов к суровым арктическим условиям. Языковая картина мира оказывается неразрывно связанной с природной средой. Полученные результаты подчеркивают ценность диалектных данных для лингвистики и этнографии и открывают перспективы для дальнейших сравнительно-исторических исследований в рамках тюркских и алтайских языков.

Ключевые слова: якутский язык, метеорологическая лексика, метеоним, диалектная система, северо-восточная диалектная зона, мотивационный признак, номинация, метафоризация, этнолингвистика, ономастология

Финансирование. Статья подготовлена в рамках реализации проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (Соглашение № 25-78-30006 от 22.05.2025 г.)

Для цитирования: Тохтобина Я. Е. Семантические типы номинаций снега в говорах северо-восточной диалектной зоны якутского языка. *Алтаистика. Altaistics*. 2025, № 4 (19), С. 23-31. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-4-23-31>

Semantic types of snow nominations in the dialects of the North-Eastern dialect zone of the Yakut language

Iana E. Tokhtobina

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ ya.tokhtobina@mail.ru

Abstract

The article analyzes snow nominations in the North-Eastern dialects of the Yakut language. The relevance of the study is determined by the insufficient knowledge of dialectal terminology, as well as the rapid disappearance of this unique lexical layer under the influence of globalization and urbanization. The aim of the work is to identify, systematize, and analyze the methods of snow nomination, which is an important step for their documentation and introduction into scholarly discourse. The methodological basis of the research was the method of continuous sampling from lexicographical sources, which allowed for the identification of 20 lexemes. These were classified into 8 lexico-thematic groups: crusted snow (*nast*); snowdrifts and blizzards; soft snow; fine snow; snow crystals; deep snow; loose snow; and mixed snow with rain. A key analytical tool was the concept of the formal-semantic structure of a word, understood as its inner form. A detailed analysis of the lexical units revealed key motivational features and methods of nomination. It was established that snow nominations are formed through: 1) borrowings (e.g., *obuyoy*, *sögürüöp*); 2) affixation (e.g., *bispēh*, *tübük*); 3) the lexico-semantic method, primarily metaphorization (e.g., *bīta*, *dīgdīa toŋot*, *kuobah bahağa*, *kuobah kuturuga*); and 4) the lexico-syntactic method (e.g., *köbүүрүnnük khaar*, *sekiennik khaar*). The metaphors are based on zoomorphic (*kuobah* ‘hare’), phytomorphic (*bīta* ‘rhizome’), somatic (*kuturuk* ‘tail’, *bahah* ‘thickened part’), and other associations. For instance, the nomination *khaptahin toŋot* (lit. ‘board-crust’) not only describes hard crusted snow but also encodes knowledge about its danger for herd horse breeding. The study clearly demonstrates that dialectal snow names are not merely a set of labels, but a complex system that verbalizes centuries-old observational experience, economic and cultural practices, and the adaptation strategies of the Yakuts to the harsh Arctic conditions. The linguistic worldview is inextricably linked to the natural environment. The obtained results emphasize the value of dialect data for linguistics and ethnography and open prospects for further comparative-historical research within the Turkic and Altaic languages.

Keywords: Sakha language, meteorological vocabulary, metonym, dialect system, northeastern dialect zone, motivational feature, nomination, metaphorization, ethnolinguistics, onomasiology

Funding. This article was written with support from RSF “Languages and Cultures of the Peoples of the North and the Arctic of the Russian Federation: Comprehensive socio humanitarian research (on the basis of big data)” (Agreement № 25-78-30006 of 22.05.2025)

For citation: Tokhtobina I. E. Semantic types of snow nominations in the dialects of the North-Eastern dialect zone of the Yakut language. *Altaistics*. 2025, No 4 (19), Pp. 23-31. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-4-23-31>

Введение

Традиционно якуты уделяли пристальное внимание наблюдениям за погодными условиями, поскольку в условиях сурового климата точное предсказание погоды было вопросом выживания. По мнению исследователей, в основе экологической культуры якутов лежит модель запретов и предписаний, вытекающая из особой коммуникации «дыхания» всей природы. Эта связь проявлялась в многовековой практике наблюдений — за небом, землей («сир тына»), атмосферой («халлаан тына»), стихиями и живым миром, поскольку все эти «природные импульсы» напрямую влияли на жизнь и хозяйство северных скотоводов [1, с. 88].

В Якутии, где зима длится с октября по апрель, снег представляет собой ключевую природную и культурную реалию, что обуславливает неизменный исследовательский

интерес к этой теме. Будучи своеобразной визитной карточкой региона, снег занимает сложную и многогранную позицию в языковой картине мира якутов.

В рамках алтаистики тема номинации снега остается недостаточно изученной. К числу первых фундаментальных трудов относятся работы Л. С. Левитской [2] и К. М. Мусаева [3]. Более узкоспециализированное исследование провела А. Н. Майзина, подробно классифицировавшая виды снега в алтайском языке по форме, размеру, плотности, времени выпадения и другим параметрам [4]. Что касается непосредственно якутского языка, то здесь существует ряд специальных исследований. Значительный вклад внесли Ф. Н. Дьячковский и В. Г. Попов, выполнившие семантический и сравнительно-сопоставительный анализ соответствующих лексем [5]. С. А. Иванов выявил и систематизировал 20 диалектных названий снега [6]. Особого внимания заслуживают работы Е. Р. Николаева, сфокусированные на наименованиях разновидностей снега [7–9]. Проведенный им анализ позволил выявить три ключевых мотивирующих признака этих номинаций: физические свойства снега, обусловленные природной средой; сравнение с внешними признаками животных (зайца, бурундука, вороны, пуночки); функциональный признак, связанный с народными приметами и традиционными промыслами. Несмотря на наличие ряда исследований, способы номинации снега в якутском языке, в особенности в его диалектах, остаются недостаточно изученными. Актуальность данного исследования связана с угрозой исчезновения диалектной лексики в условиях глобализации и урбанизации. Как подчеркивают исследователи, это обуславливает необходимость ее срочной фиксации и введения в научный оборот [10–12]. В связи с этим целью настоящего исследования являются выявление, систематизация и анализ способов номинации наименований снега в северо-восточной диалектной зоне якутского языка.

Наименования снега в СВ диалектной зоне якутского языка

Настоящее исследование сосредоточено на северо-восточной (СВ) диалектной зоне якутского языка. Выбор этого ареала обусловлен тем, что на современном этапе изучения метеорологической лексики именно здесь зафиксирован наиболее богатый и разнообразный пласт наименований снега. Северо-восточная диалектная зона якутского языка объединяет пять говоров: колымский (на территории Верхнеколымского, Среднеколымского, Нижнеколымского районов), индигирский (на территории Момского и Абыйского районов), оймьяконский (Оймьяконский район), верхоянский говор с саккырырским подговором (на территории Верхоянского и Эвено-Бытантайского районов), усть-янский говор (Усть-Янский район) [13].

В работе применяется комплекс взаимодополняющих методов: метод сплошной выборки, описательный метод, а также лексико-семантический и структурный анализ. Кроме того, применен анализ формально-семантической структуры слова. Под формально-семантической структурой слова понимается его внутренняя форма, определяемая как «сумма значений морфем, составляющих синтетическое или аналитическое обозначение слова, то есть то, что остается от семантики обозначения при снятии результата фразеологизации» [14, с. 69].

Методом сплошной выборки из различных источников в северо-восточной диалектной зоне якутского языка зафиксировано 20 наименований снега. Выявленные наименования систематизированы и распределены по 8 лексико-тематическим группам: наст; сугроб и заносы; мягкий снег; мелкий снег; кристаллы снега; глубокий снег; рыхлый снег; смешанный снег с дождем.

Наст. В данной группе всего три наименования наста: *дыгдыа тоҥот*, *хаптаһын тоҥот*, *суо*. Словосочетание *дыгдыа тоҥот* ‘тонкий наст’ [15, с. 66] зафиксировано

в индигирском говоре. Его формально-семантическая структура (ФСС) анализируется через компоненты: *дыгдыа* ‘?’ и *тогот* ‘наст’. Слово *дыгдыа* не имеет самостоятельной фиксации в толковых словарях якутского языка. Однако, как показывает исследование Е. Р. Николаева, это слово обладает двойной семантикой: фигура (человека) и способ ходьбы/шага [8]. Данная интерпретация опирается на анализ наименования *муруку дыбдыата* ‘тонкий наст, который может выдержать только бурундука’. Второй компонент *тогот* обозначает ‘наст’ и является производным от тюркского корня *тон* ‘мерзнуть, замерзать’ [16, с. 17]. Вероятно, компонент *дыгдыа* в составе *дыгдыа тогот* отражает либо визуальную ассоциацию (например, легкость передвижения по тонкому насту), либо функциональную характеристику (способность выдерживать определенный вес при ходьбе). Таким образом, словосочетание *дыгдыа тогот* представляет собой семантически сложную номинацию, где оба компонента вносят вклад в формирование значения: первый через образную или функциональную коннотацию, второй через прямую номинацию природного явления и его связь с процессом замерзания.

В Верхоянском районе для обозначения крепкого наста используется термин *хаптаһын тогот* [17, с. 280] (букв. доска + наст). Первый компонент *хаптаһын* ‘доска’ выполняет метафорическую функцию, отражая два свойства явления: 1) визуальное – ровная, гладкая и сплошная поверхность наста, сопоставимая с поверхностью доски; 2) физическое – твердость и высокая прочность при механическом воздействии, сравнимая с плотностью древесины. Такой наст представляет серьезную угрозу для табунного коневодства: лошади не способны пробить его копытами, что блокирует доступ к подножному корму и вследствие этого приводит к бескормице и истощению животных. Таким образом, данная лексическая единица показывает, как языковая классификация природных явлений напрямую связана с хозяйственной деятельностью народа. Традиционная номинация не просто описывает объект, но и кодирует жизненно важные знания о его свойствах и последствиях для жизнедеятельности.

Термин *суо* (Абый., Ср.-Кол., В.-Кол.) обозначает ‘наст; преследование сохатого по насту’ [17, с. 214]. Вероятно, *суо* – это усеченная форма слова *сойуо*, означающего ‘преследование зверя, погоня за добычей’ (например, за лосем или лисицей). С тем же словом образовано наименование наста *сойуо хаар*. В обоих случаях (*сойуо* и *суо*) подчеркивается функциональное свойство снега: способность удерживать следы зверя; пригодность для выслеживания. Крепость наста здесь не самоцель, а условие успешной охоты. Следовательно, слово *суо*, как и *сойуо*, демонстрирует прямую связь природных условий с промысловой практикой.

Сугроб и снежные заносы. В данной группе четыре наименования снега. В Среднеколымском районе куча снега обозначается термином *сөгүрүөн хаар* [17, с. 212] (сугроб + снег). Первый компонент *сөгүрүөн* представляет собой заимствование из русского языка сугроб. Второй термин *обуой* (абый., кол., мом.) ‘затвердевший снежный сугроб’ [17, с. 182–183] также заимствовано из русского диалектного *сувой* ‘сугроб, образованный вихревым движением снега’. Лексема *түбүк* (Усть-Ян.) ‘снежные заносы’ [15, с. 196], вероятно, является производной от глагола *түм* ‘завязывать узлом что-либо (например, веревку); собирать, объединять вместе кого-либо/что-либо’. В ряде говоров (Ал., В.-Кол., Верх., Вил.) слово *кэчэһэ* имеет значение ‘удлиненное скопление снега; заметенная метелью дорога, в результате чего по ней плохое скольжение’ [17, с. 147]. В литературном языке *кэчэһэ* означает ‘негладкая, неровная, с зазубринами (дорога)’ [18, с. 605]. Как видно, в диалекте произошло сужение значения данного слова.

Мягкий снег. В данной группе всего зафиксировано пять лексических единиц. В СВ диалектной зоне с зоонимом *куобах* ‘заяц’ обнаружено два наименования снега: *куобах баһаҕа* (кол.) ‘мягкий пушистый как пепел снег, легший на землю’ [15, с. 92] (заяц + ?) и *куобах кутуруга хаар* (в.-кол.) ‘пушистый снег’ [17, с. 124] (заяц+ хвост-POSS.3SG). Семантика компонентов *кутурук* и *баһах* различается по степени прозрачности. Лексема *кутурук* ‘хвост’ имеет ясное значение. Лексема *баһах* отсутствует в БТСЯЯ, словарь Э. К. Пекарского фиксирует значения: 1) детородный орган; 2) наконечник стрелы [19, с. 392]. С. А. Иванов интерпретирует *баһах* в термине *куобах баһаҕа* как округлую форму наконечника стрелы [6, с. 362]. Однако Е. Р. Николаев, анализируя термины с компонентом *баһах* (*онобос баһах* ‘стрекоза’, *ытык баһаҕа* ‘головка мутовки’, *ытарҕа баһаҕа* ‘оконечник серьги’), выявляет у него значение ‘утолщение на конце объекта’ или ‘крайняя/завершающая часть’. На этом основании исследователь заключает, что в названии *куобах баһаҕа* репрезентируется форма и размер пушистого заячьего хвоста [8, с. 22]. Следовательно, в контексте обозначения снега компонент *баһах* указывает на визуальную форму – округлые, пушистые комья снега, напоминающие заячий хвост.

Таким образом, зооним *куобах* в сочетании с соматизмами *кутурук* ‘хвост’ и *баһах* ‘хвост или утолщенная часть хвоста’ формирует в якутском языке метафорические обозначения снега. Эти номинации подчеркивают его ключевые качества: белизну, пушистость и мягкость – свойства, ассоциирующиеся с мехом зайца-беляка, широко распространенного в Якутии. Зимний мех этого зайца отличается чистым белым цветом с контрастными черными кончиками ушей. В якутской традиции заяц – не только объект промысла, но и важный хозяйственный ресурс. Его мех традиционно использовался для изготовления одежды (рукавицы, кээнчэ, шапки), одеял и других бытовых изделий. Это закрепило в языке ассоциации меха с теплом, мягкостью и легкостью – ключевыми признаками «заячьего» снега.

В колымском говоре *сэкириэнньик хаар* означает ‘мягкий, выпадающий крупными хлопьями снег’ [15, с. 172], а *көбүөрүннүк хаар* – ‘мягкий, пушистый, как пепел, снег, легший на землю’ [15, с. 87]. Оба первых компонента (*сэкириэнньик* и *көбүөрүннүк*) не имеют собственного значения в толковых словарях якутского языка. С. А. Иванов слово *көбүөрүннүк* возводит к *көп* ‘рыхлый, пушистый’ [6, с. 272]. Другое возможное объяснение – связь с существительным *көбүөр*, обозначающим сливочное масло, взбитое с теплым кипяченым молоком, или с русским заимствованием ‘ковер’. Обе эти метафорические ассоциации с однородной пушистой текстурой масла или с ровным, мягким покрывалом семантически мотивируют описание снежного покрова. Исследователи отмечают, что *сэкириэнньик* также не имеет ясной этимологии. Возможно, он может происходить от слова *сэкир* ‘лохматый, густошерстный, длинношерстый’, что соответствует зооморфной модели номинации. Как известно, в языковой картине мира якутов мягкий снег регулярно ассоциируется с пухом и мехом животных. В Усть-Янском районе для обозначения пушистого снега, покрывшего землю, используется термин *сомунах* [17, с. 164], этимология которого также не установлена.

Мелкий снег. В Верхоянском районе первый мелкий снег обозначается словосочетанием *кырамай хаар* [17, с. 137], где компонент *кырамай* имеет значение ‘светлый, чистый (снег)’. Е. Р. Николаев относит *кырамай хаар* к диалектному варианту общеякутского термина *кыраһа* ‘первый снег’ [9, с. 121].

Кристаллы снега. В колымском говоре *симиин хаар* обозначает ‘снежные кристаллы, раздробленные при сильных ветрах’ [15, с.161]. Компонент *симиин* в толковом словаре якутского языка имеет два значения ‘1) свежий, тонизирующий (молочная пища). 2) свежий,

прохладный (воздух)’ [20, с. 400]. В данном случае больше подходит второе значение. В контексте *симиин хаар* более уместно второе значение «свежий, прохладный», поскольку оно лучше соотносится с природной характеристикой явления.

Другое верхнеколымское диалектное обозначение снежных кристаллов – *кылабаһын* [17, с. 135]. Е. Р. Николаев предполагает, что данное диалектное слово имеет «общие истоки с кирг. *qulamuy*, *qulamuy qar* ‘первая пороша’ и имеет основу кыр-, которая прошла путь фонетической модификации: *кыраһа, кырымах, кылабаһын*» [9, с. 121].

Глубокий снег. В Аллаиховском районе лексема *кэ́тис* обозначает ‘глубокий снег, сохранившийся в углублениях или в тени’ [17, с. 147]. На данном этапе происхождение этого слова не выяснено. Возможно, оно происходит от глагола *кэт*, который имеет несколько значений. Основное значение глагола – ‘1) надеть какую-либо одежду; 2) навешивать на себя что-либо’, в переносных значениях он также используется в следующих смыслах: ‘3) перен. долго бродить (например, по лесу, бездорожью); 4) с силой наткаться на что-либо, встречать какое-либо препятствие (неожиданно)’ [18, с. 577]. Можно предположить, что глубокий снег, сохранившийся в углублениях или в тени, может стать неожиданным препятствием для путника.

Рыхлый снег. В Абыйском районе *быта* имеет значение ‘рыхлый снег, не выдерживающий тяжести человека’ [17, с. 79]. В литературном якутском языке, однако это слово обозначает ‘корневище (корни) кровохлебки лекарственной (черноголовника)’ [21, с. 781]. Вероятно, метафорическое переосмысление связано с визуальным и структурным сходством: рыхлая, рассыпчатая консистенция снега ассоциируется с рыхлой структурой корневища кровохлебки. Е. Р. Николаев подробно анализирует семантику слова *быта*, показывая, как она раскрывает признак рыхлости через связь с однокоренными лексемами: *бытархай* ‘мелкий, мельче среднего’, *бытарый* ‘дробиться; крошиться, рассыпаться; распадаться’, *бытаахтаа* ‘делать что-либо помаленьку, исподволь или изредка’. На этом основании к основному качественному признаку «рыхлый» добавляются дополнительные семантические оттенки: «мелкий» и «способный крошиться, рассыпаться» [9, с. 121].

Смешанный снег с дождем. Лексема *биспэх* (ойм., Т., Пек.) имеет значение ‘осенний мокрый снег, осенняя слякоть’ [17, с. 63]. Наиболее вероятно, что данное слово восходит к глаголу *бис* ‘мазать, пачкать чем-либо вязким, липким’. Эта этимологическая связь мотивирована семантикой: осенняя слякоть ассоциируется с чем-то грязным, вязким и липким.

В Среднеколымском районе лексемой *сапсылбан* обозначают ‘дождь или снег с ветром, ненастье’ [17, с. 203]. Слово происходит от глагола *сапсый* ‘махать, махать рукою или руками; поэт. сильно дуть, обдывать ветром’. Мотивация названия напрямую связана с характерной особенностью данного погодного явления – наличием ветра.

Лексема *самаан* в Момском районе зафиксирован в значении ‘весенний дождь со снегом’ [17, с. 203]. В литературном языке *самаан* обозначает ‘солнечный, теплый, благодатный (напр., о летнем времени)’. Вероятно, в весеннем наименовании *самаан* отражается переосмысление понятия благодати: если в литературном языке оно связано с теплом и солнцем, то в диалектном употреблении переносится на смешанные осадки весны, которые также могут восприниматься как знак хорошего благодатного года.

Заключение

Проведенное исследование номинаций снега в северо-восточных диалектах якутского языка позволяет сделать ряд существенных выводов, подтверждающих тесную связь языковой картины мира с природной средой и хозяйственно-культурными практиками этноса. Выявленные и систематизированные 20 лексем, распределенные по 8 лексико-

семантическим группам, демонстрируют не случайный, а структурированный характер классификации снежного покрова.

Формально-семантическая структура номинаций представлена следующими тематическими группами: зооним (*куобах*), фитоним (*быта*), соматизм (*кутурук*, *баһах*), обозначение действия (*түм*, *кэт*, *бис*, *сапсый*), характеристика качества (*симиин*, *көбүөрүннүк*, *кырамай*, *самаан*), охота (*суо*), предметы быта (*хаптаһын*). Способы номинации снега включают: 1) заимствование (*обуой*, *сөгүрүөн*), 2) аффиксальный способ (*биспэх*, *кэтис*, *сапсылбан*, *түбүк*); 3) лексико-семантический способ (метафоризация: *быта*, *дыгдыа тонгот*, *куобах баһаба*, *куобах кутуруга*, *самаан*, *хаптаһын тонгот*; сужение значение: *кэчэһэ*); 4) лексико-синтаксический способ (*көбүөрүннүк хаар*, *сэкириэннүк хаар*, *кырамай хаар*, *симиин хаар*). Отдельные лексемы (*кылабаһын*, *сомунах*) требуют дальнейшего изучения.

Исследование подтвердило, что диалекты сохраняют пласт уникальной лексики. Такие единицы, как *сэкириэннүк*, *көбүөрүннүк*, *кэтис*, а также сложные случаи семантического переосмысления (*быта* 'рыхлый снег' ← 'корневище'), представляют особую ценность для лингвистики и этнографии, демонстрируя специфику восприятия и категоризации мира носителями отдельных говоров.

Языковой материал наглядно иллюстрирует, что традиционная экологическая культура якутов, основанная на модели «запретов и предписаний» и коммуникации с «дыханием» природы, находит прямое отражение в лексике. Номинации снега выступают не просто ярлыками для погодных явлений, а вербализованным сводом знаний о свойствах среды, их влиянии на хозяйство и стратегиях адаптации к суровым условиям Арктики.

Таким образом, изучение диалектных номинаций снега не только обогащает наше понимание языковой картины мира якутов, но и открывает новые возможности для исследования этнолингвистических процессов в арктическом регионе.

Литература

1. Романова Е.Н. Традиционные знания северных тюрков-саха о природе в контексте «чувствующей экологии» (реальность и символическое пространство). *Арктика XXI век*. 2025;(3):80-93. DOI: 10.25587/2310-5453-2025-3-80-93
2. Левитская Л.С. *Метеорология. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп.* Москва: Наука; 2001:13-49.
3. Мусаев К.М. *Климат. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка.* Москва: Наука; 2006:352-366.
4. Майзина А.Н. Разновидности названий снега в алтайском языке. *Российская тюркология*. 2024;42-43(1-2):75-93. DOI: 10.37892/2712-8121-2024-42-43-75-93.
5. Дьячковский Ф.Н. Разновидности хаар 'снег' в якутском языке. *Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXV международной научно-практической конференции*, Москва, 26–27 ноября 2015 г. Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». Том II. Москва: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований»; 2015:46-53.
6. Иванов С.А. *Лексические особенности говоров якутского языка.* Новосибирск: Наука; 2017:392.
7. Николаев Е.Р. О семантико – мотивирующем аспекте названий снега с основой кыр- в якутском языке. *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2024;42(2):30-34. DOI: 10.52782/KRIL.2024.2.42.005.
8. Николаев Е.Р. Особенности мотивирующих признаков диалектных названий разновидностей снега в якутском языке. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2025;53(1):20-27. DOI: 10.25205/2312-6337-2025-1-20-27.
9. Николаев Е.Р. Семантическое пространство диалектных названий снега в якутском языке. *Turkic Studies Journal*. 2024;6(4):116-131. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-4-116-131>.

10. Малышева Н.В., Турантаева Н.В. Когнитивные стратегии номинации объектов живой природы в лексике олекминских якутов. *Вестник СВФУ*. 2023;20(2):74-86. DOI: 10.25587/SVFU.2023.31.52.007.
11. Малышева Н.В., Канг Д. Этнолингвистическое описание некоторых диалектных наименований медведя в якутском языке. *Арктика XXI век*. 2025;39(1):54-75. DOI: 10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75.
12. Осорова М.А. Фитонимическая лексика в якутском, тувинском, хакасском, алтайском языках: мотивационный аспект. *Арктика XXI век*. 2025;(2):75-86. DOI: 10.25587/2310-5453-2025-2-75-86.
13. Коркина Е.И. *Северо-восточная диалектная зона якутского языка*. Новосибирск: Наука; 1992:270.
14. Малышева Н.В. Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология: якутский язык и его диалекты: Дис. ... докт. филол. наук. Москва: 2024:503.
15. Воронкин М.В., Алексеев М.П., Васильев Ю.И. *Диалектологический словарь якутского языка*. Новосибирск: Наука; 1995:294.
16. Тенишев Э.Р., Благова Г.Ф., Добродомов И.Г. и др. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика*. Москва: Наука; 2001:822.
17. Афанасьев П.С., Воронкин М.С., Алексеев М.П. *Диалектологический словарь якутского языка*: содержит свыше 8500 слов. Москва: Наука; 1976:390.
18. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 томах., Т. V: (Буква К). Новосибирск: Наука; 2008:518 (на якутском языке).
19. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка* в 3 т. Т. I. Москва: Акад. наук СССР; 1958:1279.
20. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 томах., Т. VIII: (Буква С). Новосибирск: Наука; 2011:572 (на якутском языке).
21. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 томах., Т. II: (Буква Б). Новосибирск: Наука; 2005:910 (на якутском языке).

References

1. Romanova E.N. Traditional knowledge of the northern Turkic-Sakha peoples about nature in the context of “sentient ecology” (reality and symbolic space). *Arctic XXI Century*. 2025;3:80–93 (in Russian). DOI 10.25587/2310-5453-2025-3-80-93
2. Levitskaya L.S. *Meteorology. Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Lexicon*. Moscow: Nauka; 2001:13–49 (in Russian).
3. Musaev K.M. *Climate. Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Proto-Turkic Language as the Base. The Worldview of the Proto-Turkic Ethnos According to Linguistic Data*. Moscow: Nauka; 2006:352–366 (in Russian).
4. Majzina A.N. Varieties of snow names in the Altai language. *Russian Turkology*. 2024;1-2(42-43):75–93 (in Russian). DOI: 10.37892/2712-8121-2024-42-43-75-93
5. Dyachkovsky F.N., Popov V.G. Varieties of khaar ‘snow’ in the Yakut language. In: *Contemporary problems of humanities and natural sciences: Proceedings of the XXV International Scientific and Practical Conference*, Moscow, November 26–27, 2015. Scientific and Informational Publishing Center “Institute of Strategic Studies”. Vol. II. Moscow: Scientific and Informational Publishing Center “Institute of Strategic Studies”; 2015:46–53 (in Russian).
6. Ivanov S.A. *Lexical features of Yakut language dialects*. Novosibirsk: Nauka, 2017:392 (in Russian).
7. Nikolaev E.R. On the semantic – motivational aspect of the names of snow with stem kyr- in the yakut language. *Sayan-Altai Scientific Review*. 2024;2 (42):30–34 (in Russian). DOI: 10.52782/KRIL.2024.2.42.005
8. Nikolaev E.R. Peculiarities of motivating features of dialect names of snow varieties in Yakut language. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2025;1(53):20–27 (in Russian). DOI: 10.25205/2312-6337-2025-1-20-27.
9. Nikolaev E.R. The semantic field of the word ‘snow’ in Yakut dialects. *Turkic Studies Journal*. 2024;6(4):116–131 (in Russian). DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-4-116-131>
10. Malysheva N.V., Turantaeva N.V. Motivational sings of the nomination of wildlife objects in the Olyokma Yakuts’ vocabulary. *Vestnik of NEFU*. 2023;20(2):74–86 (in Russian). DOI: 10.25587/SVFU.2023.31.52.007.
11. Malysheva N.V., Kang D. Ethnolinguistic description of some dialect names of bear in the Yakut language. *Arctic XXI Century*; 2025;39(1):54–75 (in Russian). DOI: 10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75

12. Osorova M.A. Phytonymic vocabulary in Yakut, Tuvan, Khakas, Altai languages: motivational aspect. *Arctic XXI Century*. 2025;2:75–86 (in Russian). DOI: 10.25587/2310-5453-2025-2-75-86.
13. Korkina E.I. *The North-Eastern dialect zone of the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka; 1992:270 (in Russian).
14. Malysheva N.V. The origin of wildlife lexicon: onomasiology and etymology (the Yakut language and its dialects). Doctoral's dissertation (Philology). Moscow: 2024:503 (in Russian).
15. Voronkin M.V., Alekseev M.P., Vasiliev Yu.I. *Dialectological Dictionary of the Yakut Language*. Novosibirsk: Nauka; 1995:294 (in Russian).
16. Tenishev E.R. (ed.), Blagova G.F., Dobrodomov I.G., et al. *Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages: Vocabulary*. Moscow: Nauka; 2001:822 (in Russian).
17. Afanasiev P.S., Voronkin M.S., Alekseev M.P. *Dialectological Dictionary of the Yakut Language: Over 8500 Words*. Moscow: Nauka; 1976:390 (in Russian).
18. Sleptsov P.A. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyldyta: in 15 volumes*. V:(Letter K). Novosibirsk: Science; 2008:518 (in Yakut).
19. Pekarsky E.K. *Dictionary of the Yakut language*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1958:1279 (in Russian).
20. Sleptsov P.A. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyldyta: in 15 volumes*. VIII:(Letter S). Novosibirsk: Science; 2011:572 (in Yakut).
21. Sleptsov P.A. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyldyta: in 15 volumes*. II: (Letter B). Novosibirsk: Science; 2005:910 (in Yakut).

Сведения об авторе

ТОХТОБИНА Яна Егоровна – научный сотрудник, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», <https://orcid.org/0000-0002-0232-5752>, SPIN: 4052-7790, e-mail: ya.tokhtobina@mail.ru

About the author

TOKHTOBINA Iana Egorovna, Research Associate, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-0232-5752, SPIN: 4052-7790, e-mail: ya.tokhtobina@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interest

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 20.10.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.11.2025

Принята к публикации / Accepted 26.11.2025